

Иноязычные слова и выражения в произведениях Пушкина

Новые исследования литературоведов, историков языка, лингвистов подтверждают величие и современность А. С. Пушкина. К таким исследованиям относится и изучение художественных функций немецких вкраплений в произведениях великого писателя и поэта.

Термин «иноязычные вкрапления» сравнительно недавно вошел в научный обиход.

Под иноязычным вкраплением понимается вставка в русскую речь отдельного слова или отрезка текста на чужом языке, например: «И пьяницы с глазами крольков „In vino veritas“ кричат» (А. Блок). Профессор А. А. Леонтьев расширил это понятие, включив в него и частичные иноязычные вкрапления разных типов, характерные для речи иностранцев, плохо владеющих русским языком. Возникают они прежде всего в результате переноса иностранцем навыков владения родным языком в русскую речь. Например, у Л. Н. Толстого в «Отрочестве»: «Я был под Ульм, я был под Аустерлиц, я был под Ваграм», — говорит Карл Иванович.

Иноязычные вкрапления находятся за пределами русского языка, его словарного состава и используются в русской речи в одноразовом порядке.

Многие русские писатели XVIII—XIX веков нередко вставляли в языковую ткань своих произведений немецкие вкрапления. Их объем, тип, происхождение и другие качества находятся в прямой связи с особенностями индивидуально-художественного стиля писателя, с местом персонажа в системе художественных образов произведения, с мировоззренческими особенностями творчества писателя, с традицией эпохи. Не случайно персонажи-немцы говорят по-русски у разных авторов неодинаково.

А. С. Пушкин ввел в язык своих произведений 34 немецких вкрапления. Мало сказать, что употребление каждого из них художественно мотивировано, что они выполняют в рамках произведений многообразные стилистические функции.

В «Борисе Годунове» диалог двух капитанов (француза Маржерета и немца Вальтера Розена) весь приводится на немецком и французском языках. Обращение Маржерета к Вальтеру Розену (говорил Маржерет на французском языке) с четырехкратным немецким: „Mein Herr“ (сударь) и реплики-ответы Розена по-немецки: „Es ist Schande; Sie haben Recht; Ich glaube das“ (Жаль; Вы правы; Я надеюсь на это) — создают два национальных характера: темпераментного француза и сдержанного, спокойного немца.

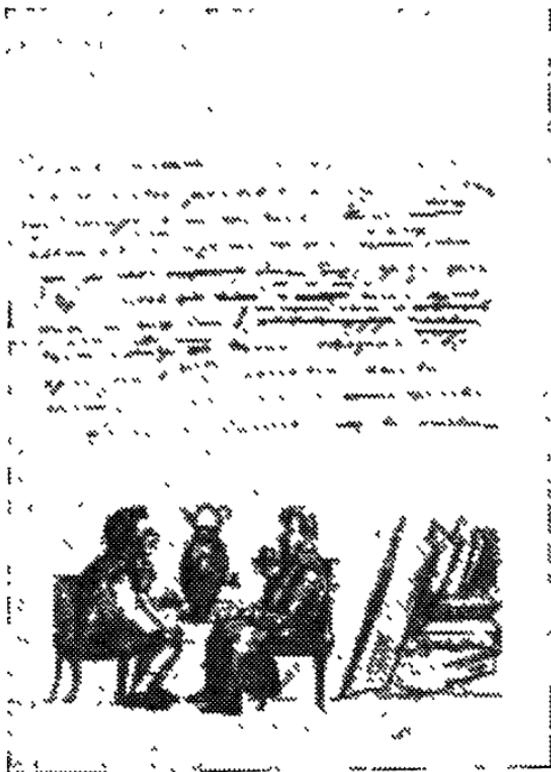
Характеры двух капитанов (немца и француза) обрисованы точно, психологически убедительно. И в этом случае двуязычие их речи не случайно: оно отражает не раз имевшее место в истории России положение, когда на стороне русской армии сражались иноземные полки во главе с офицерами разных национальностей — французами, немцами. И каждый, зная язык другого, говорил на своем родном языке. Аналогичная ситуация в армии союзников, выступивших против Наполеона, была отражена в романе Л. Толстого «Война и мир».

Исследователь творчества А. С. Пушкина Д. Д. Благой, отмечая новаторство драматурга, разрушившего закон «трех единств», подчеркивает, что писатель нарушает в трагедии «Борис Годунов» и четвертое, как он сам назвал, — «единство слога». Здесь звучит не только высокий «штиль» традиции классицизма, но и живая речь, соответствующая социальному положению действующих лиц, их национальной принадлежности.

В «Гробовщике» описывается серебряная свадьба сапожника-немца, живущего в России и научившегося говорить по-русски. Все гости (немцы) говорили на родном языке, тосты же произносили по-русски. Один из них воскликнул: «За здоровье тех, на кого мы работаем», и пояснил уже по-немецки: „unserer Kundente“ (за наших клиентов).

Это вкрапление воссоздает немецкий колорит обстановки на свадьбе и служит реалистическому отображению речи немцев, живущих и работающих в России, но не забывших своего родного языка. Оно дается рядом с русским выражением: «за тех, на кого мы работаем» — как уточнение мысли, важной для последующего хода событий в повести.

В «Капитанской дочке» немецкое вкрапление введено в русскую речь старого генерала немца Андрея Карловича, с которым служил когда-то отец Гринева. Наряду с частичными немецкими

«Гробовщик».
Рисунок Пушкина
на рукописи.
1830

вкраплениями в речи Андрея Карловича есть и прямая вставка разговорного немецкого слова «Schelm»: «О, этот Швабрин превеликий Schelm...». В современном русском языке оно уже вошло в лексическую систему как разговорное.

Таким образом, немецкие вкрапления в произведениях А. С. Пушкина помогают реально воспроизвести как немецкую, так и русскую речь персонажей-немцев в тех случаях, когда они не говорят по-русски или говорят, но слабо.

Другой тип немецких вкраплений — это немецкие слова, приспособленные к системе звукотипов русского языка и дающиеся в русской графике. Они отмечены у А. С. Пушкина в трех случаях: два из них в речи опять-таки генерала Андрея Карловича (*брудер*, *камрад*, ср. нем.: *der Kamerad* — ‘товарищ, приятель’; *der Bruder* — ‘брат’). Участвуют они в воспроизведении элементов макаронической речи немца: «Но так ли пишут к старому камрад?.. Эхе, брудер, так он еще помнит стары наши проказ?».

Разновидностью этого же типа немецких вкраплений является *wasiscdas*, но художественная функция его уже иная: оно употреблено в описании Петербурга:

Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *wasiscdas*.

Евгений Онегин

В XVIII веке ломаная русская речь немцев воссоздавалась в комедиях главным образом при помощи фонетических, реже — грамматических явлений немецкой речи. Например, речь Вральмана из комедии «Недоросль» Д. И. Фонвизина: «Чефо паяться, мая матушка? Расумнай теловек никахта ефо не сапирет, никахта з ним не саспорит: а он с умными лютьми не сфясывайся, так и пудет плаготенствие пожие!.. Сфая кампания то ли тело!».

Это же однотипное фонетическое явление мы встречаем в речи принца Трумфа (И. А. Крылов. Поддипа).

Иное у А. С. Пушкина. Он почти совсем отказался от внешнего копирования ломаной русской речи немцев. Большая часть вкраплений, введенных в речь генерала Андрея Карловича, — языковые явления, ставшие еще до А. С. Пушкина традиционными при передаче речи немцев: *поже мой, тавно ли, молотец, фремя, серемонии, софесно, ешовы рукавиц*. Заметим, что все они включены в первые фразы генерала. В дальнейшем же фонетических и грамматических ошибок в его речи нет. Проследим на примере эволюцию речи Андрея Карловича: «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уж какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!»; «Милостивый государь Андрей Петрович, надеюсь, что ваше превосходительство...» Это что за серемонии? Фуй, как ему не софесно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?»; «Бедный Миროнов!.. Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронова добрая была дама и какая была майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?»; «Ай, ай, ай... Это плохо, очень плохо. На дисциплину работников никак нельзя положиться. Что будет с белой девушкой?». Слово *майстерица*, образованному от заимствованного из немецкого языка *der Meister*, А. С. Пушкин придал фонетические черты немецкого языка.

Отказавшись от чисто внешнего копирования и утрирования особенностей ломаной русской речи немцев, А. С. Пушкин увеличил художественную, психологическую нагрузку на каждое из тщательно отобранных им и использованных в повести немецких вкраплений.

В. Г. Белинский считал, что «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи». Передает это Пушкин при помощи явлений семантической интерференции, которые он вводит в русскую речь персонажей-немцев: «Покамест надобно взять терпение» (вместо: набраться терпения); «Завтра праздную мою серебряную свадьбу» (вместо: свою). Великий русский писатель тонко подметил и использовал в «Капитанской дочке» характерное для иностранцев незнание русской фразеологии, русских пословиц и поговорок, разговорных конструкций, которые составляют душу языка. Читая письмо отца Гринёва, Андрей Карлович замечает: «Теперь о деле... К вам моего повесу... гм... держать в ежовых рукавицах... Что такое ешовы рукавицы? Это, должно быть, русска поговрк...». На это молодой Гринев ответил: «...обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах...».

Приведенные языковые явления в речи Андрея Карловича выполняют ту же функцию, что и сделанное Гринёвым (в духе русского человека) наблюдение: «Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своей трапезою был отчасти причиною удаления моего в гарнизон».

В. Г. Белинский в статьях о Пушкине отмечал, что чувство, лежащее «в основании его лирических произведений, всегда так тихо и кротко, несмотря на его глубину, и вместе с тем так человечно, гуманно». Гуманизм, человеческий такт характерен для всего творчества писателя. Он лежит в основе его произведений и наглядно проявляется в описании персонажей-немцев. Воспроизводя отдельными штрихами национальные черты своих героев, А. С. Пушкин вместе с тем не высмеивает их ломаной русской речи. В «Гробовщике» читаем: «Извините, любезный сосед,— сказал он тем русским наречием, которое мы без смеха доныне слышать не можем». Но черты этой ломаной речи автор не воспроизводит, проявляя чувство «соразмерности» и «сообразности». Сосед-немец говорит в повести по-русски чисто, пожалуй, лишь несколько обстоятельнее и подробнее, чем если б это говорил человек русский.

Принципы отбора и использования немецких вкраплений А. С. Пушкиным получили дальнейшее развитие в русской литературе в творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и других писателей. Особенно бережно реализовал и творчески развил их в своих произведениях Л. Н. Толстой.

Ю. Т. ЛИСТРОВА

Русская речь

Научно-популярный журнал

Института русского языка Академии наук СССР

Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год

Издательство «Наука». Москва

№ 3, 1976 май — июнь

В номере:

Во имя торжества коммунизма	3
Л. И. Скворцов. Сокровищница языковой культуры	7
Ф. П. Сороколетов. О втором издании Большого академического словаря	16

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. М. Соловьев. Цвет и жанр в произведениях Пушкина	24
Ю. Т. Листрова. Иноязычные слова и выражения в произведениях Пушкина	28
Н. С. Авилова. Читая Державина (Стихотворение «Ласточка»)	33
А. В. Дудников. О языке романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева	36
В. Е. Захарова. Метафора в письмах Чехова	40
А. В. Бармин. Мудрость эпоса	45
А. А. Варламова. Словообразование как стилистическое средство	50
Говорят делегаты IV съезда писателей РСФСР (Кайсын Кулиев, Виктор Астафьев, Виталий Закруткин, Евгений Носов)	56

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Произношение сочетания -чл-	62
Л. П. Катлинская. Единственное или множественное?	65
В. Б. Сорокин. Колодцы, поля и... предлоги	70
